

Глава 11

Наследник князя в полной мере оправдывал свою славу столичного повесы. Его выезд был изукрашен самоцветами и жемчугом, а стенки кареты — покрыты искусной золотой резьбой. Видимо, эта тяга к роскоши была у них семейной: и отец, и сын, казалось, считали за личное оскорбление, если член императорской семьи не выставлял своё богатство напоказ при каждом удобном случае.

Внутри кареты стояла жаровня с углями, и было тепло, как в разгаре весны.

Цзи И сидел, скрестив ноги на тигровой шкуре, и, прищурившись, пристально разглядывал собеседника.

— Ты будто бы еще сильнее исхудал?

Чу Чжаохуай в это время замороженно созерцал золотой подсвечник на столике. Почувствовав на себе подозрительный взгляд, он посильнее закутался в меховую накидку и, стараясь говорить как можно ниже, отрывисто пробасил:

— Есть такое... В последнее время на душе беспокойно, ем мало...

— Ха! — Цзи И холодно усмехнулся. — Рыбы в усадьбе скоро ночью сами из воды выпрыгивать начнут и прочь убежать, лишь бы ты их не сожрал, а у тебя еще хватает совести заявлять, что ты «мало ешь»?

Чу Чжаохуай не нашелся, что ответить.

«...»

Пусть юноша и унаследовал от отца манеру язвительно проходиться по окружающим, ему явно не хватало проницательности Цзи Сюня. Чувствуя, что со спутником что-то не так, Шицзы решил не мудрствовать лукаво и просто потянулся к лицу лекаря, намереваясь сорвать повязку.

— Ты уже сколько дней носишь эту дурацкую тряпку. А ну, сними, я хочу взглянуть.

Чжаохуай отпрянул:

— Сыпь еще не до конца прошла.

Цзи И нетерпеливо подался вперед, явно не намереваясь отступить:

— Тем более! Позволь мне вдоволь поиздеваться над твоей уродливой рожей. Снимай, не смей уворачиваться!

Поняв, что добром дело не кончится, Чжаохуай спросил в лоб:

— Ты что, снова хочешь переписывать книги?

Рука наследника замерла.

— Ты это к чему?

— Сегодня Ванъе возвращается в усадьбу, и мне, как его супругу, непременно придется разделить с ним ложе, — невозмутимо произнес Чжаохуай. — Если будешь и дальше принуждать меня, я непременно нашепчу ему чего-нибудь эдакого на ушко в самый интимный момент.

Цзи И оцепенел.

«...»

Он едва не захлебнулся от ярости. Уши его мгновенно вспыхнули пунцовым, а во взгляде смешались гнев и невыносимый стыд.

— Да как тебе... Как тебе только совести хватает говорить такие бесстыдные вещи?!

Совести у Чу Чжаохуая не было.

«Если проблему можно решить парой слов, к чему беспокоиться о приличиях?»

Цзи И и впрямь до дрожи боялся отца, так что даже эта сомнительная угроза заставила его нехотя отступить на свое место.

С настоящим Чу Чжаоцзяном они никогда не ладили. Виделись от силы два-три раза в год, и их едва ли можно было назвать близкими знакомыми. Каждая встреча превращалась либо в состязание в остроумии, либо в попытку подстроить сопернику какую-нибудь пакость. Все их познания друг о друге ограничивались поверхностными ярлыками: «повеса», «выскочка», «самовлюбленный наглец». Никакой глубины в их отношениях не было и в помине.

Наследник с мрачным видом откусил кусок медового печенья.

«Если сегодня этот подлец не будет ползать у меня в ногах, моля о пощаде, я сменю

фамилию!»

Чу Чжаохуай не заметил кипевшей в принце злобы. Видя, что тот утомился, он облегченно вздохнул и, отодвинув занавеску, выглянул наружу.

Снег еще не разошелся в полную силу, но улицы столицы в канун праздника уже бурлили жизнью. Шумная, яркая толпа, огни лавок и бесконечная суета — всё это завораживало, не давая отвести взгляд.

Это было совсем не похоже на тихий Линьянь.

Лекарь с живым интересом наблюдал за городом всю дорогу, пока карета, мерно покачиваясь, не остановилась.

Опустились сумерки. Крупные хлопья снега густо кружились в воздухе, но это ничуть не портило настроения гуляющим, желающим насладиться видом на озеро с борта расписных барок.

Поверхность озера Мин рябила, словно дорогой шелк, а на воде замерли плавучие павильоны, украшенные резьбой и росписью. На носу судна, медленно прорезавшего снежную пелену, покачивались два фонаря из тонкого шелка на лакированных подставках.

Такие барки обычно служили местом отдыха для столичной знати. Цзи И, судя по всему, был здесь частым гостем: он уверенно повел своего спутника на судно, над которым развевался императорский флаг.

Чжаохуай помнил золотое правило: «меньше слов — меньше ошибок», а потому молча следовал по пятам.

Отношения между его спутником и Чу Чжаоцзяном были скверными, а после недавней стычки Шицзы и вовсе затаил обиду. Ясно было одно: его пригласили сюда вовсе не ради дружеской прогулки.

Чжаохуай внимательно осматривался, а в голове его роились мысли.

В прошлый раз Цзи И обмолвился, что они договорились еще несколько месяцев назад встретиться на озере в канун праздника.

«Если это была просто обычная попойка, зачем договариваться так заранее?»

Он покосился на столы.

«Ого, на барке даже посуда из золота и серебра? Поистине, вопиющая роскошь»

Барка лениво отчалила и направилась к самому центру озера.

Хотя Чу Чжаохуай вырос в краю рек и озер, ему редко доводилось ступать на борт судна, а уж тем более такого роскошного. Поначалу он с любопытством озирался вокруг, но стоило им немного отойти от берега, как в животе всё неприятно сжалось. Его начало мутить.

Цзи И шел впереди, поднимаясь по деревянной лестнице на верхнюю палубу.

У Чжаохуая потемнело в глазах. С трудом одолев несколько ступенек, он почувствовал, как колени подкашиваются. Он нелепо взмахнул руками и, заваливаясь вперед, едва не стащил с «наследничка» штаны, мертвой хваткой вцепившись в его пояс.

Цзи И, будучи юнцом строгих нравов, отчаянно взвизгнул и подпрыгнул, придерживая пояс.

— Ты... ты! Ты что творишь?! — Его лицо вмиг стало пунцовым.

Чжаохуай прохрипел едва слышно:

— Укачало...

Видя, что тот едва держится на ногах, и это мало походит на притворство, Шицзы после недолгих колебаний нехотя подставил плечо.

— Благодарю, Шицзы, — слабо выдохнул лекарь, навалившись на него всем телом.

Юноша замер, неловко отвел взгляд и, что было на него совсем не похоже, промолчал.

Наследник не отличался особым коварством, но обожал побеждать в спорах. Самым изощренным способом мести, который он смог придумать, было втянуть соперника в азартную игру и обобрать его до нитки, пустив по миру.

Ныне в империи азартные игры были под запретом, и лишь в дни праздников делалось исключение. Именно этого момента Цзи И дожидался несколько месяцев.

Видя, что цель уже близка, он исполнился боевого азарта.

«Проигрывай! Проигрывай всё до последнего гроша!»

Вскоре они добрались до дверей верхнего павильона. Еще не переступив порог, они услышали доносившийся изнутри шум.

Цзи И нахмурился.

Сегодня здесь должен был быть только его давний приятель Лян Фан. Но тот — человек тихий и ленивый, он целыми днями только и знает, что спать. С чего бы ему так кричать?

Шицзы подошел к дверям. Резное дерево плохо глушило звуки, и долетавшие изнутри насмешливые голоса больно хлестнули по ушам:

— Судно уже отчалило, а Цзи И всё нет. Неужто он до сих пор сидит дома и переписывает книги за свои художества? Ха-ха-ха!

— Скорее всего. С его-то куриными мозгами... Если бы не вмешательство Цзин-вана, его бы в жизнь не пустили в Гоцзыцзянь. Мне даже совестно сидеть с ним за одной партой.

— Тише ты, жить надоело? А ну как Шицзы побежит жаловаться папочке, и тот нас всех в порошок сотрет.

В комнате разразились дружным хохотом.

Бледный от морской болезни Чу Чжаохуай мельком взглянул на своего спутника. Обычный вспыльчивый юноша, услышав такое, уже должен был ворваться внутрь и устроить драку, но сейчас он стоял неподвижно, опустив глаза. Похоже, подобные речи были для него делом привычным.

В этот момент к ним кто-то поспешно подошел. Человек в белых одеждах, казалось, почти сливался с падающим снегом. Он подбежал к Цзи И и, немного отдышавшись, слабо произнес:

— Шицзы... Третий... кх... Третий принц прибыл. Сказал, что займет наш павильон.

— Понятно, — коротко отозвался наследник и, словно мешок, перевалил обмякшего Чжаохуая на руки подошедшему Лян Фану. — Я слышал.

С этими словами он толкнул дверь и вошел.

Просторный зал сиял золотом и нефритом, ослепляя роскошью. Несколько молодых господ, облаченных в дорогие шелка, сидели за низкими столиками. Полупрозрачная ширма отделяла их от музыкантов, игравших на цинях.

Веселье мигом стихло, стоило Цзи И переступить порог. Все присутствующие тут же поднялись и с притворными улыбками сложили руки в приветствии.

— Наконец-то Шицзы прибыл!

— Приветствуем вас. Сколько дней не виделись, а вы всё так же бодры духом.

Льстивые речи лились рекой, будто и не было тех ядовитых насмешек, что звучали мгновение назад.

Цзи И давно привык к подобному лицемерию: эти люди презирали его в душе, но лебезили в лицо, надеясь на милость его отца. Он сухо обменялся любезностями и поклонился сидящему во главе стола юноше:

— Чем же мы обязаны такой чести, Третий принц?

Юноша в расшитом драконами халате и с золотым венцом на голове одарил Шицзы мягкой улыбкой.

— А И пришел... Сегодня выпал снег, и отец, немного простудившись, отменил семейный ужин. Я слышал, что мой дорогой кузен забронировал целый этаж на барке... Надеюсь, ты не в обиде, что я явился без приглашения?

Цзи И не мог отказать.

— Разумеется, нет.

Цзи Сюнь крепко держал в руках военную власть, и император не только опасался его, но и стремился расчистить путь для наследного принца. Из-за этого сын Цзин-вана почти не общался с дворцовой родней. И хотя Третий принц не участвовал в открытой борьбе за трон, он всё же был ближе к Восточному дворцу.

Даже если бы его оскорбляли в лицо, Цзи И не мог позволить себе резких движений, чтобы не усугубить и без того шаткое положение отца в столице.

Не желая задерживаться, он собрался было уйти:

— Мы с Лян Фаном не станем мешать вашему веселью...

Но не успел он договорить, как Третий принц с улыбкой перевел взгляд на стоявшего в тени лекаря:

— А это, должно быть, супруг Цзин-вана?

Шицзы опешил.

«Неужели даже по глазам узнал в нем Чу Чжаоцзяна?»

Чжаохуай, борясь с тошнотой, ответил ему тяжелым взглядом и едва заметно кивнул.

Третий принц поднялся:

— Теперь, когда молодой маркиз стал супругом моего пятого дяди, по старшинству мне надлежит звать вас «пятым дядюшкой».

Лекарь, не чувствуя в его словах скрытой издевки, лишь подтвердил:

— Именно так.

Третий принц не нашелся с ответом.

«...»

В комнате воцарилась гробовая тишина. Присутствующие были потрясены тем, что наглость этого человека оказалась крепче крепостных стен.

Видя, что Чжаохуай уже потянулся к карману, Цзи И похолодел. Он не на шутку испугался, что этот безумец сейчас вытащит горсть сухофруктов в качестве «подарка за знакомство», и незаметно пнул его по голени.

— Раз уж мы одна семья, к чему эти церемонии, — Третий принц улыбался, демонстрируя редкостное благодушие. — Присаживайтесь.

Отказать было невозможно, и Шицзы вместе с Лян Фаном и Чжаохуаем заняли свои места.

Третий принц, сидевший во главе, взял со стола несколько медных монет и взвесил их на ладони.

— Раньше А И каждый год приглашал сокурсников на озеро, чтобы испытать удачу в Гуаньпу. Почему в этот раз ты решил обойтись без компании?

Цзи И покосился на спутника.

Конечно, он сделал это, чтобы заманить Чу Чжаоцзяна в ловушку.

«Тьфу... Третий принц еще и палочек не поднял, а этот проглот уже вовсю жует!»

В прошлые годы Шицзы за одну ночь умудрялся просадить сотни лянов. Ему было не жаль денег, но Лян Фан открыл ему глаза: оказывается, собутыльники заранее договаривались, как спойть его и обчистить. Юноша не был коварным, но и дураком, добровольно раздающим золото, быть не желал. С тех пор он перестал их звать.

— В последнее время было много дел, не успел разослать приглашения, — уклончиво ответил он.

Третий принц хлопнул в ладоши:

— Раз уж сегодня собралось столько народу, давайте сыграем пару партий — на удачу.

В канун праздника на барках было принято не только слушать музыку и любоваться видами, но и предаваться старинной забаве — Гуаньпу Бои.

Чу Чжаохуай, съев несколько кислых слив, наконец почувствовал себя лучше. Увидев на столе шесть медных монет, он слегка нахмурился.

Когда-то эта игра была невероятно популярна: люди подбрасывали монеты, и по тому, как они упадут, определяли победителя. Азарт тогда захватил всех.

В те годы лекарь, стоило ему проголодаться, бегал с монетами по всем улочкам, выигрывая себе еду. Он обладал удивительным чутьем и феноменальной удачей — мог наесться досыта, пройдя всего одну улицу.

Так продолжалось до тех пор, пока из-за долгов не случилось кровавое убийство, потрясшее всю страну. Тогда император и наложил запрет на игры.

Прошло всего несколько лет, и вот здесь, под самым боком у государя, отпрыски знатных родов открыто предаются запретной забаве.

«Неужели они не боятся гнева императора?»

Провинциал Чжаохуай не знал, что в столице на праздники запрет смягчался. Он лишь крепко хмурился, раздумывая, не прыгнуть ли ему в воду прямо сейчас.

«Если их всех схватят, я не хотел бы оказаться в одной лодке с преступниками»

В центр стола поставили нефритовое блюдо. Третий принц посмотрел на Цзи И:

— А И, ты первый.

Раньше ставками для Чжаохуая были яблоки да лепешки — лишь бы набить брюхо. Ему было скучно, пока принц не достал из рукава пригоршню сияющего золота. От этого зрелища лекарь едва не подавился сливовой косточкой.

— Начнем с малого, — произнес Третий принц. — Если выпадет четыре одинаковых стороны — забираешь десять золотых.

Чу Чжаохуай был поражен.

«Вот она какая, столица... Какая щедрость»

Ему нравилось смотреть, как на кону стоят такие горы золота. И пусть выигрыш предназначался не ему, само зрелище захватывало дух. Он снова взял сливу и с надеждой посмотрел на своего «наследничка».

«Всего-то четыре одинаковых монеты! Это же сущие пустяки, деньги сами идут в руки!»

Цзи И взвесил монеты, глубоко вздохнул и бросил их на нефритовое блюдо.

Раздался мелодичный звон. Монеты заплясали по камню. Вскоре они замерли.

Три одинаковых.

Чу Чжаохуай расстроился.

«Как можно быть таким неудачником?»

Шицзы нахмурился. Под сокрушенным взглядом лекаря, который аж зубами заскрипел от досады, он выудил из кошелька десять золотых и протянул принцу.

Третий принц, видимо, заранее знал о способностях кузена и с улыбкой начал вторую партию.

Цзи И бросил.

Снова три.

Третья партия. Юноша бросает вновь.

И опять три.

Чу Чжаохуай был в полном оцепенении.

С громким хрустом он разгрыз сливовую косточку.

«С такой-то удачей он же их всех по миру пустит!»

<http://bllate.org/book/15341/1372774>